

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 398.91

**Определение зооморфных образов
в карачаево-балкарских пословицах и поговорках
с использованием элементов частотного анализа***Б. А. Берберов*Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН,
Российская Федерация, 360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Для цитирования: *Берберов Б. А.* Определение зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15. Вып. 2. С. 288–306. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.205>

Статья посвящена определению зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа на основе конкордансера AntConc. В ходе проведенного анализа автором установлено, что в карачаево-балкарском фольклоре нашли свое отражение образы шестидесяти животных. С целью формирования более цельной картины мира в статье далее раскрываются образы отдельных животных, в том числе путем проведения сравнительно-сопоставительного анализа с пословицами и поговорками других народов (в том числе славянских, тюркских и европейских). Особое внимание автор уделяет редким зооморфным образам, то есть тем животным, которые не представлены на территории современного проживания карачаевцев и балкарцев (например, слоны, львы и тигры). Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, являются во многом универсальными и находят отражение в различных культурах и языках. Однако наиболее популярными образами в карачаево-балкарских поговорках и пословицах стали те, которые в своей совокупности составляют облик трудовой деятельности карачаево-балкарского пастуха. Выявленные животные образы можно классифицировать по следующим четырем категориям: животные, за которыми следит пастух, помощники пастуха, вредители и животные, которые составляют рацион пастуха в горах. Полученные результаты могут быть использованы при обучении школьников и студентов карачаево-балкарскому языку, а также стать отправной точкой для проведения и развития похожих исследований в разрезе других языков, в том числе тех, которые входят в тюркскую языковую группу.

Ключевые слова: зооморфные образы, поговорки, пословицы, частотный анализ, конкордансер, карачаево-балкарский язык.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Введение

Одной из актуальных задач современной науки является проведение комплексного анализа ключевых культурных концептов на материале отдельного языка, результаты которого позволяют выделить этнические особенности менталитета народа [1]. Особое место в таких исследованиях занимают пословицы и поговорки, которые могут наиболее ярко демонстрировать национально-культурную семантику [2], в частности отражение в них зооморфных образов с учетом того, что для человека характерна экстраполяция своего внутреннего мира на повадки животных [3].

Для терминов «поговорка», «пословица», «паремия» описаны исторические колебания в семантике, которые в дальнейшем отразились на сути современных научных понятий¹. Для целей настоящей работы мы принимаем, что пословица, в отличие от поговорки, составляет цельное предложение и имеет назидательный смысл. «Паремия» же нами рассматривается как родовая категория, объединяющая термины «пословица» и «поговорка».

Задача настоящего исследования — установить роль зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках. Следует подчеркнуть, что животные элементы в народном творчестве карачаевцев и балкарцев уже становились предметом исследований филологов. В частности, Т. С. Гелястановой (2010) был проведен частичный анализ представленности животных в карачаево-балкарских паремиях [4]. М. З. Улаковым и А. А. Абайхановой (2013) рассмотрены фразеологизмы, связанные с зоонимией [5]. Л. С. Гергоковой (2020) исследованы отдельные пословицы и поговорки в карачаево-балкарских народных сказках о животных [6]. Предметом анализа Ф. П. Эркеновой (2020) стали фразеологические единицы с компонентами-зоонимами, относящимися к классу птиц [7].

Обзор научной и научно-популярной литературы в области применения цифровых методов в гуманитарных исследованиях широко представлен на информационном ресурсе «Системный Блок»². Материалы сайта включают в себя описание соответствующих аналитических работ (в том числе программ-конкордансов), а также результаты исследований, выполненных с использованием цифровых методов. Примеры таких разработок включают частотный анализ видов смерти в произведениях Шекспира, статистическое описание звуков в английских романах, семантический поисковик по стихам Пушкина, анализ репрезентации женщины в литературе как автора и персонажа, изучение цветовой картины мира Есенина, анализ тональности текста «Мастера и Маргариты», описание эволюции структуры чеховских пьес, измерение сложности художественных текстов.

Материалы и методы

Предлагаемое исследование отличается от предыдущих работ попыткой формирования цельной картины зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, в том числе с использованием элементов частотного анализа

¹ Савенкова Л. Б. Мысли о русских паремиях. URL: <https://web.archive.org/web/20100128063418/http://www.nicomant.fils.us.edu.pl/mnt/1999-1/paremija.html> (дата обращения: 25.08.2022).

² Системный Блок. URL: www.sysblok.ru (дата обращения: 25.08.2022).

на основе конкордансера AntConc. Конкордансер — это компьютерная программа для автоматического составления конкорданса, то есть списка примеров употребления слова в минимальном контексте или перечня всех контекстов, в которых слово или словосочетание встречается в исследуемом тексте.

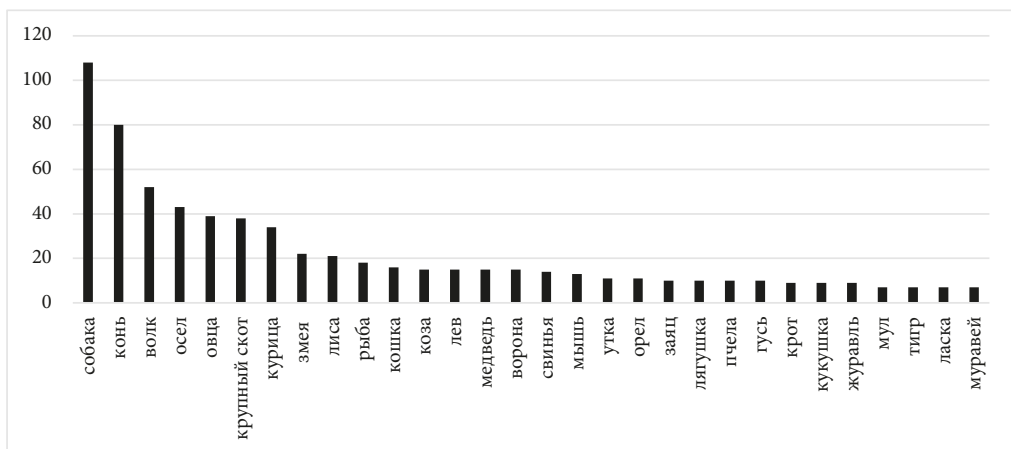
Для достижения поставленной цели автором в статье используется следующий подход. На первом этапе формируется текстовый файл, представляющий собой полный свод пословиц и поговорок из книг «Къарачай нарт сёзле» («Карачаевские пословицы и поговорки») карачаевского собирателя С. Ч. Алиева [8] и «Къарачай-малкъар нарт сёзле» («Карачаево-балкарские пословицы и поговорки») балкарского ученого-фольклориста М. Ч. Джуртубаева [9].

На втором этапе вручную методом сплошной выборки составляется список карачаево-балкарских зооморфных лексем на основе трех тематических словарей: «Балкарские названия животных и растений» за авторством Дж. Базиева и Н. Шаутаевой [I]; «Карачаево-балкарско-русский словарь объектов природы», составленный М. О. Боташевым [II]; «Жаныуарла дунясы» («Мир животных») за авторством З. Жарашуевой [III].

На третьем этапе сформированный текстовый файл загружается в программу-конкордансер AntConc с целью частотного анализа зооморфных лексем. На этом этапе происходит поочередный ввод зооморфных лексем в поле для поиска с автоматическим нахождением всех контекстов соответствующих словоупотреблений. Интерфейс программы позволяет использовать специальные символы для учета всех словообразовательных и словоизменительных вариантов лексемы, а также диалектных вариаций «дж» — «ж».

Результаты

По расчетам автора, шестьдесят наименований животных нашли свое отражение в карачаево-балкарских поговорках и пословицах. На представленном ниже рисунке отображены первые тридцать из них. Анализ диаграммы позволяет сде-

Зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских пословицах и поговорках (количество в ед.)

лать вывод о том, что наиболее часто представители карачаево-балкарского народа обращаются к образам собаки, лошади, волка, осла, овцы, крупного рогатого скота, курицы, змеи, лисы и рыб. Такой результат, на наш взгляд, наглядно формирует образ карачаево-балкарского пастуха, для которого все представленные животные связаны с различными аспектами его трудовой деятельности:

- животные-помощники — собаки, лошади, ослы;
- животные-антагонисты — волки, лисы;
- животные, за которыми следит пастух, и те, которые составляют его рацион и пищевой рацион горцев, — крупный и мелкий рогатый скот, домашняя птица, рыба.

Далее по тексту более подробно разбираются образы представленных животных в карачаево-балкарских поговорках и пословицах, в том числе в контексте совместной репрезентации различных животных образов.

Раскрытие некоторых ключевых зооморфных образов, используемых в карачаево-балкарских пословицах и поговорках

Собака, кошка и мышь. Эти животные составляют неотъемлемую часть жизни каждого человека с древнейших времен. В частности, якутская пословица утверждает, что в жизни следует *«полагаться на собаку, а не на товарища»* [10, с. 275]. Согласно немецкому фольклору, кошка является «служгой» хозяйки дома [11, с. 153] в борьбе против мышей (*«малых, а никому не милых»*) [12, с. 190]. Тесное сосуществование указанных животных и человека привело к формированию обширного пласта взаимосвязанных пословиц и поговорок и в карачаево-балкарском языке.

Например, посредством образа мыши передается необходимость осторожного отношения к жизни: *«Не берегущая себя мышь — еда для кошки»* (*«Кесин сакъла-магъан чычхан — кишитикге аш»*) [9, с. 134]. В то же время фелинологические образы могут использоваться при описании важности труда, что отражено в пословице *«Мяукающая кошка не будет ловить мышей»* (*«Макъыргъан кишидик чычхан тутмаз»*) [8, с. 106]. На критику иррационального эгоизма направлена поговорка: *«Когда кошке сказали, что ее дерьмо — лекарство, она его закопала»* (*«Кишитикге киринг дарманды дегенде, басдыргъан эте эди»*) [9, с. 130], которая дидактически перекликается с классическим фразеологизмом «собака на сене» (сама не ест и другим не дает).

Образ собаки нашел свое отражение в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, представляя различные аспекты жизни человека. В частности, плохая собака *«кусают исподтишка»* (*«Аман ит жашыртын къабар»*) [8, с. 100] или *«подлизывается к тому, кто отрубил ей хвост»* (*«Аман ит къуйругун кесгеннге жалыныр»*) [8, с. 100]. Некоторые пословицы и поговорки указывают на необходимость постоянного труда для достижения целей: *«Собака, которая бродит, найдет кость»* (*«Айланган ит сюек табар»*) [9, с. 36]. Наконец, кинологические образы могут использоваться и при противопоставлении поколений: *«Сын для отца — охотничья собака, внук для деда — приятный друг»* (*«Атасына улу — эгер, аптасына — татлы нёгер»*) [9, с. 97].

Интересно сопоставить представленные примеры с образным полем кошек и собак в мировых культурах. Так, Джек Тресиддер в своем «Словаре символов» указывает, что соответствующие зооморфные ассоциации имели различный сим-

волицеский вес и значение в различных культурах. В частности, ассоциативный спектр для кошки включает следующие признаки (но не ограничивается ими): «хитроумие», «способность к перевоплощению», «ясновидение», «сообразительность», «внимательность», «чувственная красота», «женская злость» [13, р.38]. Аналогичный ряд для собаки включает «преданность», «защиту», «бдительность», «милосердие», «креативность», но также и «подлость», «жадность», «грубость» [13, р.65]. Очевидно, универсальные образы собаки и кошки имеют диаметрально противоположные ценностные смыслы и репрезентации в разных национальных культурах. К особенностям же карачаево-балкарской репрезентации этих зооморфем можно отнести более узкий ассоциативный ряд, ограниченный аспектами бытового взаимодействия карачаево-балкарского пастуха с этими животными.

Лошадь, корова, осел. Перечисленные животные занимают важное место в фольклоре многих народов. В частности, лошади являются глобальным архетипическим символом животной жизненной силы, скорости и красоты [13, р.105]. Исходя из того, что потеря коня может стать причиной упадка семейного хозяйства, злейшим врагом селян являются конокрады («*Нет на мужика разорников супротив конокрадов*»), для которых уготован особый «крестьянский» суд [11, с.18–19].

В отличие от лошадей коровам в системе зооморфных образов может придаваться меньшее значение. Конь является «*первым на селе работником*» [14, с.338], тогда как корова лишь «*кормилица, отчасти и доходная статья*» [11, с.18] («*Корова на дворе, так и харчи на столе*» [14, с.339]). Ослы же чаще всего описываются в качестве упрямых, бесхитростных, но злопамятных животных, которые ставятся в животной иерархии гораздо ниже лошадей: «*Лошадь зарабатывает, осел съедает*» [15, с.57].

Схожая логика противопоставлений наблюдается и в мире карачаево-балкарских поговорок и пословиц. В частности, на важность соизмерения сил при осуществлении какой-либо деятельности указывает пословица «С работой лошади осел не справится» («*Ат жумушун эшек тындырмаз*») [9, с.142]. В противном случае можно потерпеть фиаско или придется придумывать оправдания. Для описания подобных ситуаций используются поговорки и пословицы с компонентом «корова»: «Хваленая корова наложит в свое ведро» («*Махталган ийнек челегине чычар*») [9, с.121] или «Двор кривой, не могу подоить корову» («*Арбаз кынгырды да, ийнек сауалмайма*») [9, с.72].

Поговоркой «Как тот, который слез с коня и взобрался на осла» («*Атдан тюшюп, эшекге минген*») [9, с.142] могут описываться как абсурдные обстоятельства, так и ситуации ухудшения условий жизни. На необходимость не обесценивать все то, что дала судьба, указывают пословицы «Своего коня не называй ослом, свою шубу не называй подстилкой» («*Атынга эшек деме, тонунга тёшек деме*») [9, с.142] и «Сытый осел кушает отруби, раскидывая (их)» («*Тойган эшек кыышхырын чачып ашар*») [9, с.122]. Наконец, с помощью образа осла может описываться и неидеальный мужчина: «Плохой осел каменный забор разрушит, плохой мужчина жену бросит» («*Аман эшек хуна ояр, аман киши къатын къояр*») [9, с.95].

Волк. Данное животное является неразлучным спутником в фантастическом мире раннего детского возраста и в действительной жизни русского человека [16, с.51]. Среди тюркских народов Северного Кавказа волк также занимает особое место и является наиболее почитаемым животным [17, с.38]. Неудивительно, что этот

образ нашел широчайшее отражение и в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, вплоть до признания волка важнейшим обитателем лесов («Эл телисиэ болмаз, агъач бёрюсюэ болмаз» [9, с. 126] — «Не бывает села без дурака, не бывает леса без волка»).

Пословица/поговорка	Перевод
Бёрю болса — кёк болады, киши болса — бек болады	Если волк, то он бывает серым, если мужчина, то он бывает крепким
Ашда — бёрю, ише — ёлю	В еде — волк, в работе — мертвец
Бёрюню насыбы аякъларындады	Счастье волка в его ногах
Бёрю тюгюн ташласа да, кылыгыгын ташламаз	Волк может сбросить свою шерсть, но свои привычки сохранит
Бёрюден сыйырылгъан къой бёрюге къачар	Овца, отобранная у волка, бежит к волку

Из представленных выше примеров можно установить следующее. Во-первых, волк может характеризовать как целеустремленного (являясь образцом поведения для мужчин), так и жестокого человека. Примечательно, что в адыгском фольклоре образ волка сопоставляется с дворянским сословием урков, живущих воинской добычей [18, с. 65]. Во-вторых, через образ этого животного может иносказательно отражаться человек, который негативно влияет на свое окружение. Параллельным примером этому является английская пословица «*Who keeps company with the wolf, will learn how to howl*», которую можно перевести как «Кто живет с волками, учится выть» [19, с. 26]. Отдельное внимание можно уделить процессу старения волка, при котором ему в целях выживания придется изменить свои привычки. Подобный аспект отражается в пословице «Старый волк будет охотиться на сусликов» («Бёрюню къарты жубуранчы болур») [9, с. 147]. Указывать на одряхление в ходе процесса старения, помимо сулика, может и образ мыши [20, с. 448].

Овца. О. Н. Кондратьева отмечает инвариантность образа овцы в различных культурах, где животному приписываются безобидность, пассивность, терпение, простота, невинность, жертвенность, боязливость [3, с. 188]. К представленным качествам можно также отнести глупость, незащитность и наличие стадного чувства [21, с. 88–89]. Подобное качество может приводить к возникновению эпидемий в стаде: «*Одна паршивая овца всё стадо портит*»³.

А. С. Ермолов иронично отмечает, что овца полезна для домашнего хозяйства («*Некрасива овечья шуба, да тепла много*»), но ее все же съедает человек, «*коли раньше не съел волк*» [11, с. 116]. В связи с этим поговорки и пословицы с использованием образа овцы часто включают в себя и отсылки на пастухов, от которых напрямую зависит безопасность животных [11, с. 76]. Однако количество овчаров должно быть разумным, ведь «*где много пастухов, там овцыдохнут*»⁴.

³ Существует и латинский аналог данного выражения: «*Unius pecudis scabies totum communiculat gregem*». В литературе впервые встречается в сочинениях средневекового богослова Иеронима. См.: Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. URL: <https://info.wikireading.ru/229453> (дата обращения: 25.08.2022)

⁴ Лакские пословицы. URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Лакские_пословицы (дата обращения: 25.08.2022).

В карачаево-балкарском фольклоре пастуху также придается сакральное значение: «Упитанность барана зависит от пастуха» («Къой семизи къойчудан») [9, с. 43]. Иные типичные поведенческие особенности овец также нашли свое отражение в карачаево-балкарских пословицах и поговорках.

Поговорка/пословица	Перевод
Бир къой къаядан чынгаса, сюрюу бары да чынгар	Если одна овца спрыгнет с горы, то стадо пойдет за ней
Бир къотур къой къотурун бютеу сюрюуге джукъдурур	Одна паршивая овца распространит болезнь на все стадо
Бёрюден сыйырылган къой бёрюге къачар	Овца, отнятая у волка, бежит обратно к нему
Аман къойну джюню болмаз	От плохой овцы не будет шерсти

Крупный рогатый скот (буйвол, бык, вол). Каждое из представленных животных в силу природной мощи и неприхотливости является прекрасной рабочей силой. В частности, указывая на трудолюбие животного, немецкий фольклор отмечает, что «бык воскресенья не знает» (*Der Ochs weiss nichts vom Sonntag*)⁵. Народ Вьетнама представляет буйвола в качестве «важного имущества», ведь в сельском хозяйстве он выполняет самую тяжелую работу⁶. Неудивительно, что крестьяне к буйволам, быкам и волам относятся почтительно, хотя плоды их труда могут им и не достаться⁷.

В карачаево-балкарской культуре также отмечаются уникальные свойства этих животных. Считается, что сила быка находится в его шее («Бугъаны кючю — бойнунда») [8, с. 84], а бодливый бык рискует обломать себе рога («Тутушуучу бугъаны мюююсю сынар») [8, с. 86]. Образ быка содержит и «абсурдная» поговорка: «Как те, которые быка подводили к ножу и там забивали» («Ёгюзню бичакъ болган жерге элтип сойганлай») [9, с. 74]. Пословицей «О тяготах вола знает плуг» («Ёгюзге жетген къыйынлыкъны сабан агъач биледи») [9, с. 87] отмечается его трудолюбие, тогда как в отсутствие вола может распасться общее дело («Ёгюз ёлдю, ортакъдан айырылдыкъ») [9, с. 108]. Однако народом подмечено, что даже волы не смогут заменить человеку друзей: «Чем в каждом селе иметь по одному волу, лучше иметь по одному знакомому» («Хар элде бир ёгюзюнг болгандан эсе, бирер танышынг болсун») [9, с. 138].

Отмечаемое А. С. Ермоловым отсутствие упоминаний буйвола в русских и западноевропейских пословицах и поговорках [11, с. 114] может объясняться историческим ареалом распространения этого парнокопытного. Напротив, в карачаево-балкарских пословицах и поговорках буйвол широко представлен в качестве животного, которое не терпит ни холод («Гаммешча сууукъгъа тёзюмсюз») [8, с. 91], ни жару («Гаммеш иссиден къачханча») [8, с. 91]. Однако особое внимание народ

⁵ Ochs // Wander: Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Ochs> (дата обращения: 25.08.2022).

⁶ Буйвол — животное, тесно связанное с жизнью вьетнамцев. URL: <https://ru.nhandan.vn/bui-vo-l-zhivotnoe-tesno-svjazannoe-s-zhizn-ju-v-etnamtsev-post8239.html> (дата обращения: 04.07.2023).

⁷ В качестве подтверждения следует привести французскую пословицу: «Вол ест мякину, а мышь — пшеницу» (*Le bœuf mange la paille, et la souris le blé*). — Les proverbes sur les souris. URL: <https://www.mon-poeme.fr/proverbes-souris/> (дата обращения: 25.08.2022).

уделяет молоку буйволиц, которое называют как «сливками» за его жирность («Гаммешни сютю — кбаймакъ») [8, с. 91], так и «царским молоком» («Гаммешни сютю — сютню да сютю») [8, с. 91].

Курица и петух. Несмотря на широкое разнообразие культур, значение образов данных животных в целом является идентичным, хотя и с гендерными особенностями. Например, в алтайском языке курица может отражать заботу («курица-наседка») или глупость («куриные мозги») [22, с. 238–239]. Петух является магической птицей [11, с. 196], без которого и хозяйство кажется неполноценным («Без когута хата шута») [14, с. 340]. Он же образует собой символ «учености, военной доблести, храбрости, гуманности и веры» [23, с. 190–191] с переходом в самоуверенность и драчливость [22, с. 238].

Такие повадки петуха нашли отражение и в карачаево-балкарских поговорках и пословицах. В частности, в пословице «Безмерно кричащий петух без головы останется» («Чексиз кычыргъан хоразны башы кесилир») [9, с. 122] заложена необходимость поиска человеком «золотой середины» во избежание негативных последствий. Через самоуверенность животного — «Как тот петух, который залез на каменный забор покуракеть и был утащен орлом» («Хораз, хунагъа минип кычырама деп, кесин кыушха алдыргъанлай») [9, с. 122] — передается мысль о необходимости соизмерения сил при осуществлении какой-либо деятельности. Схожий смысл имеет и пословица «От того, что курица кричит, петухом (она) не станет» («Тауукъ, кычыргъанлыкъгъа, гугурук болмаз») [9, с. 122], указывающая в том числе и на наличие объективных пределов в окружающем мире.

Результаты анализа подтверждают и то, что подобные представления нашли отражение и в карачаево-балкарских поговорках и пословицах с использованием образа курицы: «Курица, соревнуясь с гусем, свой зад порвала» («Тауукъ, къазгъа эришип, артын жыртханлай») [9, с. 122]. Человеческая хвастливость может передаваться в следующей пословице: «Курица, снесшая яйцо, выйдет с кудахтаьем» («Къозлагъан тауукъ къанкъылдап чыгъар») [9, с. 120]. Для описания ситуации, когда слова человека расходятся с делом, может использоваться следующая пословица: «Не каждая кудахтающая курица яйцо сносит» («Хар къанкъылдагъан тауукъ къозламайды») [9, с. 122]. Наконец, пословица «Даже курица, выпив воду, в небо смотрит» («Тауукъ да, суу ичсе, кёкге къарайды») [9, с. 122] указывает на необходимость постоянной настороженности, особенно в случае необходимости защиты более слабых существ: «Курица с цыплятами собственной тени будет бояться» («Балалы тауукъ ауанасындан къоркъар») [9, с. 97].

Змея. В мировых культурах данному животному могут приписываться положительные — «Дом, в котором поселился уж, будет счастлив» [11, с. 391] — и отрицательные качества. Несмотря на то что для змеи характерна исключительная мудрость, нелюбовь людей к ним очевидна: «Не трогающая меня змея пусть живет хоть тысячу лет» [15, с. 59]), хотя иногда и иррациональна: «За одну убитую змею Бог прощает человеку двенадцать грехов» [11, с. 386]. Змеям также часто может приписываться целебная сила, в том числе в силу наличия у животного яда, однако пословица крымских татар предлагает относиться к ее помощи осторожно, так как «змея меняет свою шкуру, а не нрав» [15, с. 59].

В карачаево-балкарском фольклоре также сохраняется негативное отношение к змеям: «Вне зависимости от цвета змея оставит рану при укусе» («Джылан акъ-

къара болса да къабса джара салыр») [8, с. 110]. Вследствие этого убийство змеи считается благим деянием: «Убийство змеи — благое деяние» («Джыланны ёлтюрген суабды») [8, с. 111], при этом слабой частью животного является голова: «Наступая на змею, наступай на голову» («Джыланны бассанг, башындан бас») [8, с. 110]. Подобный алармистский взгляд иносказательно проявляется и в другой пословице: «Трудности при начале нового дела образуют собой змею» («Башиланмагъан ишде джылан джатар») [8, с. 110]. В то же время змеи могут являться и индикаторами наступающего тепла: «Змеи — к теплу» («Джылан — джылыугъа») [8, с. 110] и «К теплу и змея привыкнет» («Джылыгъа джылан да илешир») [8, с. 111].

Лисица. В поговорках и пословицах многих стран мира лиса представляется хитрым и увертливым животным: «Лиса хитра — семерых волков проведет» [11, с. 262]. Осторожность лисы проявляется и в том, что она старается ходить по своему следу: «Лиса ходит своим пятником»⁸. Другой пример осмотрительности животного можно найти в сербском фольклоре, где утверждается, что по льду, по которому ходила лисица, можно возить пушки («Кад лисица преко леда пролазе, онда можеш и топове возити») [11, с. 263], настолько он является крепким. Элементами фольклора также могут являться хвост лисицы («Всякая лиса свой хвост хвалит»), а также ее пищевые предпочтения с учетом того, что рацион лисы составляют мелкие животные (например, домашние птицы): «Спит лиса, а во сне кур щиплет».

Наибольшее отражение в карачаево-балкарском фольклоре нашла хитрость и изворотливость лисицы: «врет как лис» («Тюлкю алдаулукъ этгенча») [8, с. 106], «поверил хвосту лисицы» («Тюлкю къуйругъуна ышаныр») [8, с. 106] или «лиса не попадет в капкан» («Тюлкю къабханнга тюшмез») [8, с. 107]. Отдельное внимание может уделяться улыбке лисицы («Тюлкю кибик ышара») [8, с. 107], а также ее хвосту, в котором и находятся ее повадки: «Хитрость лисицы в ее хвосте» («Тюлкюню хыйласы — къуйругъунда») [8, с. 107], «Куда пойдет лисица — туда и хвост» («Тюлкю къайры барса, къуйругъу да ары барады») [8, с. 107].

Рыба. Исторически образ рыбы является полисемантическим, ведь водное животное символизирует умение хранить секреты («молчит как рыба»), указывать на умеренность («Лучше маленькая рыба, чем пустой стол»), трудолюбие («Рыба в реке еще не в руке») и надежду («В море остается столько же рыбы, сколько было выловлено») [24, с. 118–119]. Однако в некоторых ситуациях ихтиологические паремии могут отражать пейоративные качества рыбы, такие как хитрость («скользкий как угорь»), порочность («Рыба тухнет с головы»), бесчувственность («холодный как рыба»), опьянение («пить так, как рыба пьет воду»), невыразительность («ни рыба, ни мясо») [24, с. 118–119].

В карачаево-балкарском фольклоре образ рыбы, выраженный в пословицах и поговорках, является ярко положительным. В первую очередь отмечается витальная привязанность животного к воде: «Рыбе в море свободно живется» («Чабакъ-гъа тенгиз кен») [8, с. 112], «Рыбья душа — в воде» («Чабакъны джаны — сууда») [8, с. 112] или «Рыба не умрет в воде» («Чабакъ сууда ёлмез») [8, с. 111]. Отдельно указывается на то, что рыба является «лекарством для глаз» («Чабакъ кёзню дарманы») [8, с. 111]. Наконец, можно обнаружить и специфические пословицы, имеющие привязку к конкретной географической местности: «На Сесколе водятся большие

⁸ Толковый словарь Даля. URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=35148> (дата обращения: 25.08.2022).

рыбы» («Сес-Къолну чабагъы уллу болур») [8, с. 111], где гидроним обозначает правый приток Кубани [25, с. 36].

Другие зооморфные образы, используемые в карачаево-балкарских пословицах и поговорках

Заяц. Исторически образ зайца является амбивалентным. Действительно, он беззащитен перед хищниками, что вынуждает его постоянно находиться в движении, однако это животное зачастую связывают не только с трусостью, но и с демоническими силами [26, с. 122]. Образ зайца в карачаево-балкарских поговорках и пословицах используется преимущественно для описания первого аспекта (движения), указывая на необходимость отсутствия суеты в делах: «Неспешная телега зайца поймает» («Арба, тынч-тынч бара, къоян тутар») [9, с. 133]. Посредством данного образа может также утверждаться мысль о необходимости обеспечения преемственности поколений: «Если отец не ловил лису, то его детеныш не поймает зайца» («Атасы тюлкую тутмагъанны баласы къоян тутмаз») [9, с. 97].

Птицы. В культуре тюрков диким птицам может придаваться существенное значение. Например, согласно верованиям хакасов, ворон представляет собой главное божество-охранителя [27, с. 346], кукушка является «священной птицей» [28, с. 305], а орел воспринимается в качестве «сакральной (могучей) птицы» [29, с. 155]. Однако образы этих животных не нашли широкого отражения в карачаево-балкарских поговорках и пословицах, где чаще всего через них на человеческую природу экстраполируются лишь фундаментальные биологические признаки диких птиц.

Например, пословица «Подружишься с вороной — будешь есть грязную пищу» («Къаргъа бла жюрюсенг, ашагъанынг кир болур») [9, с. 137] отмечает важность выбора человеческого окружения, что также отражается и в другой пословице: «Орел ворону не сделает себе партнером» («Къуш къаргъаны нёгер этмез») [9, с. 138]. Образ родины отражается в пословице «И орел садится на привычную для него скалу» («Къуш да къонуучу къаясына къонады») [9, с. 125], а через указание на отсутствие родины (гнезда) может осуждаться неблагоприятное поведение отдельных людей: «У кукушки нет гнезда, у лицемера нет совести» («Кукук — уясыз, кёзбаучу — уятсыз») [9, с. 116].

Муравей. Несмотря на свой миниатюрный размер, данное животное является символом мудрости и трудолюбия, заpasливости и благополучия, хотя, в отличие от пчел, для него скорее характерна индивидуальная работа [11, с. 412]. Такой взгляд также нашел отражение в карачаево-балкарских пословицах и поговорках.

Пословица/поговорка	Перевод
Къумурсханы кеси гитче, кючю уллу	Муравей мал, а силы в нем много
Къумурсха арый билмез	Муравей не знает усталости
Къумурсха таудан ауар	И муравей пройдет через перевал
Къумурсха къаза-къаза тауну тешер	И муравей не спеша продырявит гору

Немаловажное значение в фольклорах стран мира может придаваться муравейнику, нежелательности его разорения, так как такой шаг приведет к негативным последствиям для всех: «*Муравьиное гнездо разоришь — беду накличишь*» [11, с. 412]. Схожего рода мысль присутствует и в карачаево-балкарских пословицах и поговорках: «Если разоришь муравейник, то погода испортится» («*Къумурсха тѣбени къозгъасанг, кюн аман этер*») [8, с. 113].

Муравейник также может соотноситься и с образом родины, напоминая о важности ее защиты: «*Къумурсха да кеси тѣбесин къоруулайды*» («И муравей защищает свой муравейник») [9, с. 125]. В случае угрозы существованию муравейника насекомое может обратиться к своим скрытым ресурсам, что характерно и для человека: «*Къумурсха тѣбе чачыллыкъ болса, къумурсхалагъа къанат битер*» («Если что-то угрожает муравейнику, то у муравьев вырастают крылья») [8, с. 113].

Лягушка. Данные животные принадлежат к числу самых пугливых, хотя в некоторых странах может отмечаться их «злость» [11, с. 404]. Ключевым атрибутом лягушек является их постоянное кваканье, которое чаще всего сравнивают с «женской болтовней»: «*Где две бабы да три лягушки соберутся вместе, не переспорят их двести человек*» [11, с. 404]. Примечательно, что в некоторых культурах молчание лягушек может являться предвестником плохих событий [11, с. 404].

Аспекты жизнедеятельности лягушки нашли отражение и в карачаево-балкарских пословицах и поговорках. Пугливость лягушки выражена в поговорке «Бояться так, как лягушка боится змеи» («*Макъа джыландан джыйырылгъанча*») [8, с. 109]. Безостановочное кваканье лягушек нашло отражение в пословице «Лягушка не перестанет квакать, даже если ее не станет» («*Макъаны джаны къуруса да хырыуу къурумаз*») [8, с. 110]. На существование объективных биологических пределов указывает пословица «У лягушки хвост не вырастет» («*Макъада къуйрукъ болмаз*») [8, с. 110]. Необходимость для человека своего личного пространства подтверждает пословица «Две лягушки на одном луку не уместятся» («*Эки макъа бир джалпакъгъа сыйынмаз*») [8, с. 110].

Червь. Несмотря на не самую привлекательную внешность этого животного, образ червя может иметь положительные характеристики. Например, в некоторых странах особым уважением пользуется шелковичный червь: «*И в червячке толк — от червя шелк*» [11, с. 237]. Отдельные фенотипические особенности животных также нашли отражение в пословицах и поговорках народов мира: «*И у самого маленького червяка есть своя норка*»⁹, «*Отсутствие глаз у червей не мешает им в темноте копать*»¹⁰ и др. Однако в системе карачаево-балкарских пословиц и поговорок образ червя имеет скорее негативную коннотацию, являясь своего рода «предупреждающим» индикатором для человека. Отдельное внимание уделяется тому, что действие маленького червяка может приводить к глобальным негативным последствиям. Примечательно, что в творчестве крымских татар вместо «червячка» используется образ лошади, что нашло отражение в пословице «Вред, нанесенный одной лошади, достигает тысячи лошадей» («*Бир атнынг зарары бинге тьер*») [15, с. 58].

⁹ Wurm // Wander: Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Wurm> (дата обращения: 25.08.2022).

¹⁰ Там же.

Пословица/поговорка	Перевод
Баргъан сууну кърту болмаз	В движущейся воде не бывает червей
Иги алманы кърт ашар	Червь ест хорошие яблоки
Къртну башы — телче	В голове червя — смерть для скота
Сюзюлген сууну кърту кѣб болур	В стоячей воде много червей
Бир къртну юсю бла бир журт тас болду	Из-за одного червячка пропало целое село

Слон. Этнографы отмечают, что образ слона не нашел широкого отражения в европейских пословицах и поговорках, так как это животное могло встретиться жителям континента только на картинах или в зверинцах [11, с. 240]. Схожая логика может быть перенесена на пласт карачаево-балкарских пословиц и поговорок с учетом того, что данные животные также не обитают на исторической территории проживания карачаевцев и балкарцев. Поэтому совокупный художественный образ слона представляет собой сугубо внешние признаки животного (огромные размеры или наличие хобота), при этом игнорируется существенный умственный потенциал животного.

Пословица/поговорка	Перевод
Ашагъаны — чибин кибик, ишлегени — пил кибик	Ест как муха, работает как слон
Пил ёллюк болса, туугъан джерине барады	Предчувствуя смерть, слон отправляется на родину
Пилге маске юргенча	Лаёт моська на слона
Пилни кючу — бурнунда	Сила слона в его хоботе
Пилни сюеги — кесинден багъалы	Слоновья кость дороже слона

Блоха. Данный образ может отражать разные диалектические установки культуры: несерьезность или преувеличение чего-либо, значимость терпения и нежелательность спешки, важность тщательного подхода к решению проблем, несмотря на их масштаб [30, с. 200–201]. Можно выделить две карачаево-балкарские пословицы и поговорки, в которых используется образ блохи. Первая из них является калькой известной пословицы о том, что, «обидевшись на блох, не следует бросать в огонь свою шубу» («*Бюрчеледен ёпкелеп, тонунгу отха атма*») [9, с. 74]. Вторая поговорка является абсурдной, описывая ситуацию, которая в принципе не может возникнуть: «Вылови блоху и засыпь ей в глаза золу» («*Бюрчени тут да кѣзюне кюл къуй*») [8, с. 313].

Пчела. Помимо того, что это насекомое является общепризнанным символом трудолюбия, в русском народном творчестве пчела считается близкой к Богу из-за того, что используемые в православии свечи изготавливаются из пчелиного воска¹¹. Отдельно отмечают мудрость пчел и агрессивная защита ульев от врагов

¹¹ В связи с этим уничтожение пчелы, а тем более целого улья, считается тяжелейшим грехом. См.: Филонов М. Жилища пчел // Журнал «Пчеловодство». URL: <https://beejournal.ru/istoriya/4639-zhilishcha-pchel> (дата обращения: 25.08.2022).

(в контексте заявленной темы примечательно, что кавказские пчелы считаются добрее других пород пчел) [11, с. 230].

В карачаево-балкарских пословицах и поговорках нашли отражение различные аспекты жизнедеятельности пчел. В частности, пословицей «Одна пчела не соберет мед» («Джангыз чибин бал джыймаз») [8, с. 114] указывается на важность командной работы при осуществлении трудовой деятельности. Другой пословицей — «Пчела жалит больно, зато мед вкусный» («Бал чибинни ургъаны ачы, балы татлы») [8, с. 114] — отражается тот факт, что труд в итоге приносит удовольствие человеку, несмотря на потенциальные препятствия в работе. Наконец, в подтверждение мудрости пчел отмечается, что «даже у пчел есть главный» («Чибинлени да болады баишылары») [8, с. 114].

Гусь. Образ этой птицы является чрезвычайно интересным для исследования в силу его амбивалентности сразу в нескольких аспектах. Например, итальянцы утверждают, что «сто гусей управятся с волком»¹², хотя злость этих птиц может быть также признана «напускной». Предметом дискуссии может также быть внешний вид гусей: «Как гусю шею не вытягивать — лебедем он не будет», однако «каждый англичанин» склонен считать своего гуся лучше лебедя [11, 213–214]. Наконец, гусей часто признают глупыми птицами¹³, хотя для них характерен общинный строй с тесным уровнем взаимодействия.

В карачаево-балкарских пословицах и поговорках учитываются различные особенности гусей. Их звуки могут использоваться при определении времени года: «Если гусь гогочет, значит, наступила весна» («Къаз къанкъылдаса — джаз») [8, с. 119]. Хотя и гогот не поможет гусю стать другой птицей: «Гусь, гогоча, не станет вороной» («Къаз къанкъылдаб къаргъа болмаз») [8, с. 119]. Также отмечается, что «перьев от одного гуся будет недостаточно для набивки подушки» («Джангыз къазны туюнден джасдыкъ чыкъмаз») [8, с. 119], а мяса не хватит и для двоих («Къаз — экеуленге аз») [8, с. 119].

Встречаются также и гендерно маркированные пословицы: «Гусыня с детьми летит последней» («Ана къаз ардан учар») [8, с. 119], тогда как «гусь-самец летит первым» («Эркек къаз алгъа учар») [8, с. 119]. Другая поговорка — «Два гуся — два друга» («Къаз — къаз бла нёгер») [8, с. 119] — переключается с русской поговоркой «Два сапога — пара» и известной детской песенкой про двух веселых гусей.

Отдельным элементом в фольклоре являются крылья гусей. В частности, подчеркивается их водоотталкивающая способность: «На крылья гусей вода не липнет» («Къазны къанатына суу къонмаз») [8, с. 119]. Однако в карачаево-балкарском языке образ гусыни может экстраполироваться и на приметы идеальной девушки: «Красивые крылья нужны гусыне, красивые манеры нужны девушке» («Ариу къанат къазгъа керек, ариу къылыкъ къызгъа керек») [9, с. 96]. Примечательно и то, что, в противовес гусыне, свидетельствуя о необходимости наличия у девушки хороших манер, адыгский фольклор содержит в себе образ белошей голубки (*цыхубз цэныфIэ дахэм хужаIэ*) [18, с. 230].

¹² Proverbio toscano. URL: <https://aforismi.meglio.it/proverbio.htm?id=fe3c> (дата обращения: 25.08.2022).

¹³ В басне «Гусь и журавль» Константина Ушинского журавль указывает на глупость гуся. — Ушинский К. Гусь и журавль // Планета сказок. URL: <http://www.planetaskazok.ru/ushinskyskz/gusizhuravlushinskyskz> (дата обращения: 25.08.2022).

Лев и тигр. Если человек является царем природы, то лев является «царем зверей» (по мнению сибиряков, первенство в этом вопросе должно принадлежать медведям). Животное является могучим — «Лев страшен, а обезьяна смешна» — его можно одолеть лишь «умом и сноровкой». Вдобавок «царь зверей» отличается избирательностью в своих действиях, ведь он «*мышей не ловит*». В свою очередь, тигр уступает по популярности своему собрату, ведь в народных представлениях он может оказаться не только «сильным и справедливым, но и коварным и жадным, не только мудрым и властным, но и недалеким и обманутым» [31, с. 87].

Схожие взгляды наблюдаются и в карачаево-балкарских пословицах и поговорах. В частности, в силу своего животного аристократизма лев не будет «питаться собачьей падалью» («*Аслан итден кьалгьанны ашамаз*») [8, с. 95] и «пить из той воды, где пахнет собакой» («*Ит ийискеген сууну аслан ичмез*») [8, с. 96]. При этом и в карачаево-балкарском фольклоре тигр в целом находится в более низком положении по сравнению со львом. Данный факт подтверждается следующими пословицами: «Если даже лев найдет болезнь, то тигр не найдет противоядия» («*Аслан ауруу табса да, кьаблан дарман табмаз*») [8, с. 96], «Тигр не знает мужества льва» («*Асланны муратын кьаблан билмез*») [8, с. 96], хотя при этом «лев не сможет убежать от тигра» («*Аслан кьабландан кьачмаз*») [8, с. 95].

Крот. К данному животному у крестьян неоднозначное отношение. С одной стороны, крот способен перевернуть огород «вверх ногами», несмотря на свое атрофированное зрение, которое является «божьим наказанием» за порчу «райских насаждений» [11, с. 281]. Идея природной слепоты крота, его способность обходиться без глаз используется в немецком фольклоре¹⁴. С другой стороны, народ может отмечать не только ценные качества кротовьего меха, но и то, что подземные животные уничтожают огромное количество медведек и других вредных насекомых. В отдельных областях России подземному животному может приписываться защита домашнего скота от медведей, для чего сельские жители носят при себе тело засушенного крота [11, с. 281].

В карачаево-балкарских поговорах и пословицах обычно указывается на два аспекта жизни крота, а именно на трудолюбие и прекрасные «землеройные» способности животного: «Вскопал как крот огород» («*Лобан кьазгьан бачхача*») [8, с. 108] или «Вскопал землю как слепой крот» («*Сокьур лобан джерни кьазгьанча*») [8, с. 108]. Также может подмечаться аспект подземной жизни крота — «Жизнь крота под землей» («*Лобанны джашауу — джер тюбюнде*») [8, с. 108] или «Крот не теряет своей норы» («*Лобан тешигин тас этмез*») [8, с. 108]. На наш взгляд, смысл данных пословиц может экстраполироваться и на жизнь человека, на необходимость его оседлости («*Где родился — там и пригодился*»), хотя следующая «кротовья» пословица утверждает о том, что делать это надо с осторожностью — «Крот боялся выйти на поверхность» («*Лобан джерни башына чыгьама деб кьоркьа эди*») [8, с. 108].

¹⁴ Maulwurf // Wander: Deutsches Sprichwörter-Lexikon. URL: <http://www.zeno.org/Wander-1867/A/Maulwurf> (дата обращения: 25.08.2022).

Заключение

На основании исследованного материала можно сделать два основных вывода. Первый из них связан с тем, что современные автоматизированные методики частотного анализа, в том числе с использованием программы-конкордансера AntConc, представляют собой весьма эффективный, качественно новый уровень исследования национальных фольклорных систем. Ключевым преимуществом такого подхода по сравнению с ручным поиском является возможность значительной экономии трудовых ресурсов исследователя-фольклориста. С другой стороны, программа-конкордансер имеет очевидные преимущества и перед традиционными текстовыми редакторами (такими как Microsoft Word) по причине большей гибкости в формулировках запросов, скорости обработки файлов, наличия дополнительных функций статистического анализа.

Согласно второму выводу, в ценностной картине карачаево-балкарской паремиологии место ключевых аксиологем занимают те зооморфные образы, которые определяют специфику практического и духовного бытия двух скотоводческих народов высокогорного Северного Кавказа, а именно карачаевцев и балкарцев. Более того, перечень доминантных анималистических образов складывается в миромоделирующую композицию с антропоцентрическим образом пастуха, вокруг которого группируются условные «животные — друзья», «животные — еда», «животные — антагонисты», а также прочие периферийные представители животного мира. Полученные выводы могут послужить отправной точкой для последующих междисциплинарных¹⁵ исследований карачаево-балкарской литературы и фольклора с применением различных цифровых методов.

Словари

I. *Базиев Д. Х., Шаутаева Н. Н.* Балкарские названия растений и животных. Нальчик: Ин-т повышения квалификации Кабардино-Балкарского государственного ун-та им. Х. М. Бербекова, 1999. 70 с.

II. *Боташев М. О.* Карачаево-балкарско-русский терминологический словарь объектов природы. Кисловодск: б. и., 1998. 33 с.

III. *Жарашуева З. К.* Жаныуарла дуниясы. Нальчик: Эльбрус, 2005. 184 с.

Литература

1. *Замалетдинов Р. Р., Замалетдинова Г. Ф.* О роли пословиц в исследовании национально-культурных особенностей языкового сознания // *Филология и культура*. 2010. Вып. 20. № 4. С. 73–78.

2. *Негматова М. М.* О пословицах и поговорках // *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики*. 2010. № 4. С. 155–159.

3. *Кондратьева О. Н.* Зооморфные образы как источник осмысления концепта «душа» (диахронический аспект) // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2011. № 2. С. 186–191.

4. *Гелястанова Т. С.* Репрезентация животных в карачаево-балкарских поговорках // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2010. № 12. С. 299–301.

5. *Улаков М. З., Абайханова А. А.* Типы фразеологизмов, связанных с зоонимией (на материале карачаево-балкарского языка) // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН*. 2013. Вып. 51. № 1. С. 167–173.

¹⁵ В том числе с использованием инструментария культурной антропологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики.

6. *Гергокова Л. С.* Тематическое многообразие пословиц и поговорок в карачаево-балкарских народных сказках о животных // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2020. Вып. 47. № 4–1. С. 123–128.
7. *Эркенова Ф. П.* ФЕ с компонентами-зоонимами, относящимися к классу птиц, в карачаево-балкарском и русском языках // Клычевские чтения — 2020: научно-практическая конференция с международным участием. Карачаевск, 19–20 ноября 2020 г.: сб. трудов / отв. ред. С. У. Пазов. Карачаевск: Изд-во Карачаево-Черкесского гос. ун-та им. У. Д. Алиева, 2020. С. 33–43.
8. *Алиев С. Ч.* Къарачай нарт сёзле. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963. 481 с.
9. *Джуртубаев Х. Ч.* Къарачай-малкъар нарт сёзле. Нальчик: Эльбрус, 2005. 192 с.
10. Якутский фольклор / под ред. М. А. Сергеева. М.: Советский писатель, 1936. 319 с.
11. *Ермолов А. С.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах: в 4 т. Т. 4: Животный мир в воззрениях народа. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1905. 555 с.
12. *Садовников Д. Н.* Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1875. 332 с.
13. *Tresidder J.* Dictionary of Symbols: An Illustrated Guide to Traditional Images, Icons, and Emblems. San Francisco: Chronicle Books, 1998. 240 p.
14. *Иллюстров И. И.* Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сборник русских пословиц и поговорок. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. 480 с.
15. *Боданинский А. А.* Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Э. Л. Мартино и О. Мурасовым. Симферополь: Типография Таврического губернского земства, 1914. 67 с.
16. *Мензбир М. А.* Из жизни зверей и птиц: популярные очерки. М.: Типография литературного товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1897. 160 с.
17. *Текеева Л. К.* Культ волка в традиционных представлениях тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 20. № 3. С. 37–42.
18. Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гутова. Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.
19. *Салчак А. М.* Образ волка в тувинских и английских пословицах // Символ науки. 2019. № 6. С. 25–26.
20. *Даль В. В.* Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.: в 2 т. Т. 1. М.: М. О. Вольф, 1879. 685 с.
21. *Илинъ Ж.* Фразеологизмы с названиями животных овца/баран в русском языке (по материалам лексикографических источников) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Вып. 21. № 4. С. 88–90.
22. *Тыбыкова Л. Н.* Специфика зооморфных образов Пётук 'Петух' и Такаа 'Курица' в алтайском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 235–240.
23. *Чень И., Шурупова И. В.* Восприятие образа петуха русскими и китайцами // В мире русского языка и русской культуры: международная студенческая научно-практическая конференция. Москва, 27 сентября 2017 г.: сб. тезисов / отв. ред. С. Г. Персиянова. М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2017. С. 190.
24. *Лызлов А. И.* Об образе «Рыба» в русских, английских и немецких поговорках // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 117–120.
25. *Хабичев М. А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1982. 136 с.
26. *Гарус Е. С.* Образ зайца в славянском фольклоре // Наука, образование, инновации: актуальные вопросы и современные аспекты: II международная научно-практическая конференция. Пенза, 20 июня 2020 г.: сб. статей / отв. ред. Г. Ю. Гуляев. Пенза: Наука и просвещение, 2020. С. 121–123.
27. *Бурнаков В. А.* Образ врановых птиц в мировоззрении хакасов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. Вып. 30, № 4. С. 346–362.
28. *Бурнаков В. А.* Образ кукушки в мифопоэтической и ритуальной традиции хакасов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2008. Т. 14. С. 305–309.

29. Бурнаков В. А. К вопросу о культе орла у хакасов // Народы и религии Евразии. 2010. № 4. С. 153–164.

30. Цао Ц. Блоха в паремиологическом пространстве русского языка (на фоне китайского языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 135. № 2. С. 199–205.

31. Маретина С. А. Образ тигра в племенной мифологии Индии // Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии: сб. статей / отв. ред. М. А. Родионов. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 87–96.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2022 г.,
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Берберов Бурхан Абуясуфович — д-р филол. наук; burhan_berberov@mail.ru

Representation of Zoomorphic Images in Karachay-Balkar Proverbs and Sayings Using Elements of Frequency Analysis

B. A. Berberov

Institute for Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences,
18, ul. Pushkina, Nalchik, 360000, Russian Federation

For citation: Berberov B. A. Representation of Zoomorphic Images in Karachay-Balkar Proverbs and Sayings Using Elements of Frequency Analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2023, vol. 15, issue 2, pp. 288–306. <https://doi.org/10.21638/spbu13.2023.205> (In Russian)

The article is devoted to the representation of zoomorphic images in Karachay-Balkar proverbs and sayings using elements of frequency analysis based on “AntConc” concordancer. During the analysis, we found that the images of sixty animals were reflected in the Karachay-Balkar folklore. To form a more complete picture of the world, the article further reveals the images of individual animals, including by conducting a comparative analysis with proverbs and sayings of other peoples. The author pays special attention to rare zoomorphic images, i. e. those animals that are not represented in the territory of modern residence of Karachays and Balkars (for example, elephants, lions and tigers). The analysis conducted allows to conclude that the zoomorphic images used in Karachay-Balkar proverbs and sayings are largely universal and are reflected in various cultures and languages. However, the most popular images are those that together make up the appearance of the Karachay-Balkar shepherd's work. The identified animals can be classified into the following four categories: animals watched by the shepherd, his assistants, pests, and animals that make up his ration in the mountains. The results obtained can be used in teaching schoolchildren and students the Karachay-Balkar language, as well as become a starting point for conducting and developing similar studies in the context of other languages, including those belonging to the Turkic language group.

Keywords: zoomorphic images, sayings, proverbs, frequency analysis, concordancer, Karachay-Balkar language.

Dictionaries

I. Baziev D. Kh., Shautaeva N. N. *Balkar names of plants and animals*. Nalchik, Institut povysheniia kvalifikatsii Kabardino-Balkarskogo universiteta im. Kh. M. Berbekova Publ., 1999. 70 p. (In Russian)

II. Botashev M. O. *Karachay-Balkar-Russian terminological dictionary of objects of nature*. Kislovodsk, [s. n.], 1998. 33 p. (In Russian)

III. Zharashueva Z. K. *Animal world*. Nalchik, El'brus Publ., 2005. 184 p. (In Karachay-Balkar)

References

1. Zamaletdinov R. R., Zamaletdinova G. F. On the role of proverbs in the study of national and cultural features of linguistic consciousness. *Filologiya i kul'tura*, 2010, iss. 20, no. 4, pp. 73–78. (In Russian)
2. Negmatova M. M. About proverbs and sayings. *Vestnik Tadzhijskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki*, 2010, no. 4, pp. 155–159. (In Russian)
3. Kondratyeva O. N. Zoomorphic images as a source of understanding of the concept of “soul” (diachronic aspect). *Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva*, 2011, no. 2, pp. 186–191. (In Russian)
4. Gelyastanova T. S. Representation of animals in Karachay-Balkar paremics. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 2010, no. 12, pp. 299–301. (In Russian)
5. Ulakov M. Z., Abaykhanova A. A. Types of phraseological units related to zoonimia (based on the material of the Karachay-Balkar language). *Izvestiia Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*, 2013, iss. 51, no. 1, pp. 167–173. (In Russian)
6. Gergokova L. S. Thematic diversity of proverbs and sayings in Karachay-Balkar folk tales about animals. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovanii*, 2020, iss. 47, no. 4–1, pp. 123–128. (In Russian)
7. Erkenova F. P. Phraseological units with components-zoonyms belonging to the class of birds in the Karachay-Balkar and Russian languages. *Klychevskie chteniia — 2020: international scientific and practical conference. Karachayevsk: November 19–20, 2020: Proceedings*. Ed. by S. U. Pazov. Karachayevsk, Izd-vo Karachaev-Cherkesskogo gos. un-ta Publ., 2020, pp. 33–43. (In Russian)
8. Aliev S. Ch. *Karachay's sayings and proverbs*. Cherkessk, Karachaev-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1963. 481 p. (In Karachay-Balkar)
9. Dzhurtubaev Kh. Ch. *Karachay-Balkar proverbs and sayings*. Nalchik, Elbrus Publ., 2005. 192 p. (In Karachay-Balkar)
10. *Yakut folklore*. Ed. by M. A. Sergeev. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1936. 319 p. (In Russian)
11. Ermolov A. S. *Folk agricultural wisdom in proverbs, sayings and signs*: in 4 vols. Vol. 4: The animal world in the views of the people. St. Petersburg, Tipografiia A. S. Suvorina Publ., 1905. 468 p. (In Russian)
12. Sadovnikov D. N. *Riddles of the Russian people: a collection of riddles, questions, parables and tasks*. St. Petersburg, Tipografiia N. A. Lebedeva Publ., 1875. 332 p. (In Russian)
13. Tresidder J. *Dictionary of Symbols: An Illustrated Guide to Traditional Images, Icons, and Emblems*. San-Francisco, Chronicle Books, 1998. 240 p.
14. Illiustrov I. I. *The life of the Russian people in its proverbs and sayings: a collection of Russian proverbs and sayings*. Moscow, Tovarishchestvo skoropechatni A. A. Levenson Publ., 1915. 480 p. (In Russian)
15. Bodaninskiy A. A. *Proverbs, sayings and signs of the Crimean Tatars, collected by A. A. Bodaninsky, E. L. Martino and O. Murasov*. Simferopol, Tipografiia Tavricheskogo gubernskogo zemstva Publ., 1914. 67 p. (In Russian)
16. Menz'bir M. A. *From the life of animals and birds: popular essays*. Moscow, Tipografiia literaturnogo tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko Publ., 1897. 160 p. (In Russian)
17. Tekeeva L. K. The cult of the wolf in the traditional representations of the Turkic-speaking peoples of the North Caucasus. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriia*, 2012, iss. 20, no. 3, pp. 37–42. (In Russian)
18. *Circassian proverbs and sayings (with their interpretations)*. *Anthological collection of Circassian folklore*. Ed. by L. A. Gutova. Nalchik, Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN Publ., 2016. 364 p. (In Russian)
19. Salchak A. M. The image of the wolf in Tuvan and English proverbs. *Simvol nauki*, 2019, no. 6, pp. 25–26. (In Russian)
20. Dal' V. V. *Proverbs of the Russian people: a compilation of proverbs, sayings, expressions, bywords, pure talks, jokes, riddles, beliefs, and so on*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, M. O. Wolf Publ., 1879. 685 p. (In Russian)

21. Ilin' Zh. Phraseological units with the names of animals 'sheep/ram' in Russian (based on lexicographic sources). *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2017, vol. 21, no. 4, p. 88–90. (In Russian)
22. Tybykova L.N. Specificity of zoomorphic images of the Potuk 'Cock' and Takaa 'Chicken' in the Altai language. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya*, 2015, vol. 14, no. 9, pp. 235–240. (In Russian)
23. Chen I., Shurupova I.V. Perception of the image of a rooster by Russians and Chinese. *V mire russkogo iazyka i russkoi kul'tury: international student scientific and practical conference. Moscow: September 27, 2017: Proceedings*. Ed. by S.G. Persiyanova. Moscow, Pushkin State Russian Language Institute Publ., 2017, p. 190.
24. Lyzlov A.I. About the Fish in Russian, English, and German Pareemics. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Iaroslava Mudrogo*, 2014, no. 77, pp. 117–120. (In Russian)
25. Khabichev M. A. *To the hydronymics of Karachay and Balkaria*. Nalchik, El'brus Publ., 1982. 136 p. (In Russian)
26. Garus E. S. The image of a hare in Slavic folklore. *Nauka, obrazovanie, innovatsii: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: 2-ia mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaja konferentsiia. Penza: June 20, 2021: Proceedings*. Ed. by G. Yu. Gulyaev. Penza, Nauka i prosveshchenie Publ., 2020, pp. 121–123. (In Russian)
27. Burnakov V. A. The image of the raven birds in the worldview of the Khakas. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010, vol. 30, no. 4, pp. 346–362. (In Russian)
28. Burnakov V. A. The image of the cuckoo in the mytho-poetic and ritual tradition of the Khakas. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii*, 2008, vol. 14, pp. 305–309. (In Russian)
29. Burnakov V. A. On the question of the cult of the eagle among the Khakas. *Narody i religii Evrazii*, 2010, no. 4, pp. 153–164. (In Russian)
30. Tsao Ts. Flea in the paremiological space of the Russian language (against the background of the Chinese language). *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, vol. 135, no. 2, pp. 199–205. (In Russian)
31. Maretina S. A. The image of a tiger in the tribal mythology of India. *Aziatskii bestiarii. Obrazy zhivotnykh v traditsiakh Iuzhnoi, Iugo-Zapadnoi i Tsentral'noi Azii*. Ed. by M. A. Rodionov. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2009, pp. 87–96. (In Russian)

Received: October 11, 2022

Accepted: March 31, 2023

Author's information:

Burkhan A. Berberov — Dr. Sci. in Philology; burhan_berberov@mail.ru